

Ф.С. Кузнецова

ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ

Мои воспоминания о Зое Яковлевне Бояршиновой связаны с высоким понятием служения науке. Под ее руководством начинались мои первые шаги на этом пути.

В 1959 г. я, сельская учительница, не будучи выпускницей Томского университета, решила поступать в аспирантуру. Уровень подготовки выпускников пединститута в то время значительно уступал университетскому, например, в пединститутах даже не преподавалась историография. Первым человеком, с которым я беседовала в университете, была Зоя Яковлевна, в то время декан исторического факультета. Это была полная, приветливая женщина, которой я рассказывала о своей тревоге – могу ли я, неизвестный вузу человек, претендовать на поступление в аспирантуру. Не давая никаких гарантий, она убедила меня, что, если есть желание, то кому как не молодым людям поступать в аспирантуру, неважно какой вуз ты окончил. Осмелиться сделать шаг навстречу судьбе – это зависит от нас самих. В 1960 г. я поступила в аспирантуру. Первые шаги в научной работе я делала под руководством Зои Яковлевны. Заочная аспирантура и работа в школе – все было непросто.

Помню свой первый доклад на кафедре по результатам изысканий в Новосибирском архиве, где документов XVIII в. крайне мало. От квалификации научного руководителя, его такта и умения выявить возможности аспиранта и поддержать первые шаги зависит многое. Мой доклад, содержавший результаты архивных изысканий и знакомства с литературой вопроса, не был выдержан в рамках принятых в то время научных канонов. За образец мною были взяты работы исследователей XIX в. по сибирской тематике. Они мне очень нравились живостью и красочностью описаний. Однако за такую безграмотность представления материалов не последовало жесткого разноса, хотя во время моего выступления Зоя Яковлевна потихоньку «вздыхала». Потом я выяснила у аспирантов, что это означало ее недовольство. Сказав, что в докладе все спутано «и кони и люди», она спокойно, обстоятельно и необходимо разъяснила суть недостатков в предъявлении материала. Более того, нашла слова поддержки, дескать, в докладе есть «живописность», умение подать факт и это обнадеживает.

Как часто нам не хватает выдержки, желания и умения увидеть в другом что-то хорошее. А ведь достаточно было сделать тогда жесткий разнос, и я навсегда бы рассталась со своей мечтой.

Другой случай, который я всегда помню. Молодым ученым присуща черта нетерпимости к иному мнению. Собственная мысль дорога сердцу, и летят острые высказывания, ниспровергающие былые исследования. Подобный выпад был и с моей стороны, к счастью, он так и не вышел за пределы черновика диссертации. Зоя Яковлевна заметила, что так писать не следует и вообще не надо ниспровергать своих предшественников, даже если они за-

блуждались, а лучше спокойно изложить свои аргументы по поводу новой идеи. «Но ведь вот В.И. Ленин как пишет», – заикнулась я. Тогда нам молодым ученым полагалось учиться у Ленина. «Ну, это Ленин...», – последовали пауза и вздох. Я так и не поняла, что имела в виду Зоя Яковлевна, поняла только одно, не следует подражать Ленину в полемике.

В своих научных исследованиях мы всегда стоим на плечах предшественников. И тот факт, что сегодня мы увидели их ошибки, заблуждения, лишний раз свидетельствует, что благодаря их исследованиям смогли продвинуться дальше. За эти мысли я благодарна Зое Яковлевне, некрасиво выглядя в науке подход возвеличивания своих достижений за счет ниспровержения других.

Затем были встречи с Зоей Яковлевной на симпозиумах и конференциях. Я не помню случая, чтобы она в резкой форме осуждала мнения других ученых или торопилась высказать новую идею, недостаточно ее аргументировав.

Когда память об учителе жива в сердцах ее учеников, не прерывается связь поколений. В моей памяти Зоя Яковлевна осталась образцом преданного науке человека, которой она служила по совести и зову души, а не из соображений выгоды или престижа.